

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882 Жуковский

И.А. Айзикова

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ В.А. ЖУКОВСКОГО
(ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ ИЗ ФОНДОВ РГИА)¹**

Статья написана на материале архивных дел РГИА, в состав которых входят неопубликованные письма В.А. Жуковского. Рассматриваются эпизоды участия поэта в издании «Горного словаря» Г.И. Спасского и в урегулировании финансовых отношений Придворной конторы Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича с немецким художником Э. Гильдебрандтом и немецким скульптором А. фон Нордгеймом. Исследование призвано подчеркнуть особую важность историко-культурного комментария биографического, в частности эпистолярного, материала, значительно углубляющего его понимание.

Ключевые слова: архивное дело, Жуковский, письмо, историко-культурный контекст.

Обратимся к некоторым неизвестным страницам биографии В.А. Жуковского, введя их в историко-культурный контекст. Материал для этого представляют неопубликованные письма поэта, хранящиеся в РГИА. Точнее, речь пойдет о двух архивных делах, в состав которых они входят: одно – Канцелярии министра народного просвещения, другое – Придворной конторы Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. Эти дела представляют собой комплекты документов, которые при исследовании разворачиваются в целые сюжеты, связанные с жизнью и личностью первого русского романтика и его современников, а также с общественной и культурной атмосферой эпохи, к которой относятся данные дела.

Первое дело озаглавлено «О посвящении имени государя наследника цесаревича Горного словаря обер-берггауптмана 5-го класса Спасского» и датировано: Начато апреля 2 дня 1841 года. Кончено мая 22 дня 1844 года» [1]. На открывающем «Дело» л. 1а – автограф на белой бумаге с водяным знаком «1825», размер листа 24,5x19,5, написан черными чернилами. Это – письмо Жуковского, без конверта, не датировано, адресат не назван. Приведем его здесь:

Я был сам у Вас и оставил Вам вместо красного яичка прекрасную книгу с письмом от автора и с моею и его просьбою о исходатайствовании для книги его величайшей чести быть посвященной Его Высочеству Наследнику. Сблаговолите покровительствовать автору, знающему, трудолюбивому и достойному уважения во всех отношениях.

Жуковский.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ФЦП № 4 2010-1.1-304-125.

Прокомментировать это письмо помогает следующий далее в архивном деле на л. 16 – 2 автограф письма Г.И. Спасского от 24 марта 1841 г. к С.С. Уварову, являющего собой официальное обращение, связанное с желанием первого представить отпечатанную первую часть своего «Горного словаря» («образец») «вместе с посвятительным письмом» и с просьбой о ходатайстве «украсить эту часть высоким именем государя наследника цесаревича и напечатать в ней самое посвятительное письмо». Он просит также у Уварова «разрешения <...> представления трех экземпляров первой части «Горного словаря», по надлежащем их изготовлении, для поднесения Их Величествам государю императору и государыне императрице и Его Высочеству наследнику» [1. Л. 16 – 16 об.].

Отсюда становится понятным, что письмо Спасского, обращающегося с просьбой в Министерство народного просвещения официально, было передано Уварову Жуковским, причем в сопровождении приведенным выше его собственным письмом министру, написанным не ранее 24 марта 1841 г. (и не позднее 3 апреля этого же года, о чем см. ниже) как ходатайство в поддержку «прекрасной», по оценке Жуковского, книги Спасского. Для поэта, постоянно выступавшего, как известно, защитником и просителем за друзей и знакомых, за их родственников и т.д., в общем, за тех, кому нужна была помощь, подобная просьба была привычным делом. Жуковский никогда не откладывал такие дела в долгий ящик.

И это письмо Жуковского к министру народного просвещения С.С. Уварову, менее всего похожее на официальное, содержит очередную просьбу полуофициального характера, отличаясь, однако, тем, что оно влилось в русло делопроизводства очень серьезного государственного учреждения, каковым являлась Канцелярия министра народного просвещения, и стало точкой отсчета для разветвленного сюжета, растянувшегося на несколько лет.

Но прежде чем проследить эту историю, остановимся на нескольких принципиальных для нас вопросах: каков был характер отношений Жуковского и Спасского, зачем последнему понадобилось данное посвящение именно на издании «Горного словаря», наконец, почему оба обратились с просьбой о посвящении издания Его Высочеству наследнику к министру народного просвещения Уварову и что означает тот факт, что дело перешло в ведение его Канцелярии.

Первое упоминание Жуковского о Г.И. Спасском (1783–1864), российском историке, исследователе Сибири, члене-корреспонденте Императорской Академии наук (с 1810 г.¹), члене Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств, Русского географического общества, Императорского Общества истории и древностей российских и др., усиленно занимавшемся самообразованием, все свободное время посвящавшем научным изысканиям, находим в дневниковых записях поэта от 29 сентября 1837 г.: «Переезд в Перекоп. <...> Вечер с Спасским, который показывал свои сибирские и крымские рисунки» [3. С. 78]. Речь идет о путешествии Жуковского с наследником по России, в частности об осеннем путешествии по Крыму, во

¹ Жуковский был избран почетным членом Имп. Академии наук 29 декабря 1827 г. См.: [2].

время которого он побывал в Перекопе и останавливался в доме Спасского, с 1835 по 1838 г. заведовавшего соляными промыслами в Крыму и жившего в этом городе. Под «сибирскими и крымскими рисунками», которые рассматривал Жуковский, находясь в гостях у Спасского, следует понимать его коллекцию сибирских и крымских древностей, к которым обращался Н.М. Карамзин при написании «Истории государства Российского» и А.С. Пушкин – работая над «Историей пугачевского бунта». Судя по всему, Жуковский и Спасский к этому времени были уже знакомы.

Второй раз имя Спасского встречаем в записи от 25 февраля (9 марта) 1841 г. «У меня Спасский», – записывает Жуковский [3. С. 246]. Велика вероятность того, что визит Спасского был вызван именно его хлопотами о посвящении первого тома своего «Горного словаря» великому князю Александру Николаевичу и просьбой к Жуковскому помочь ему в этом деле (напомним, что его письмо к Уварову по этому поводу датировано 24 марта 1841 г.

Любопытно само желание Спасского посвятить свое издание наследнику русского престола и его выбор для этого именно «Горного словаря». «Просветитель и энтузиаст» Спасский [4], видевший значение своих трудов в развитии и пропаганде отечественной науки, не раз сталкивался с тем, что его «издательские предприятия» «успехом у широкой публики <...> не пользовались», при очевидности интереса к ним «со стороны просвещенного читателя и ведущих представителей литературы той эпохи» [5]. Тем более это могло коснуться такого специфического, новаторского для России издания, как «Горный словарь», представлявшего собой энциклопедию горнозаводского производства XVIII – первой половины XIX в. В отличие от Западной Европы, в которой корни технической энциклопедии уходят в эпоху Возрождения (напр., в 1556 г. на латинском языке вышел труд Г. Агриколы «О горном деле и металлургии»), где в XVIII в., в связи с промышленным переворотом, один за другим публикуются английский «Словарь рудокопа» У. Хусона, немецкое издание «Фрейбергский любитель минералов», «Новый систематизированный минералогический и горнозаводской словарь», а в начале XIX в. сложился тип многотомных технических энциклопедий (одним из первых был французский «Технологический словарь», изданный в 22 томах в Париже в 1822–1835 гг.), в России издание технической литературы можно отнести только к началу XVIII в. Причем первые русские справочные технические пособия были переводными или создавались путем переработки иностранных трудов. Назовем, например, «Термины, употребляемые в фортификации» (в книге Вобана «Истинный способ укрепления городов». СПб., 1724), «Зрелище природы и художеств» (СПб., 1784–1790) – содержит 90 статей о производственных профессиях, орудиях труда, отраслях естествознания и прикладных наук, о материалах, применяемых в промышленности, и т.п. В 1767 г. был издан сборник переводов из энциклопедии Дидро и Д'Аламбера.

В начале XIX в. появились энциклопедические издания производственно-бытового назначения В.А. Левшина – «Полная хозяйственная книга» (В 5 т. М., 1813–1815), И.А. Двигубского – «Лексикон городского и сельского хозяйства» (В 12 т. М., 1836–1839) и др. «Горный словарь» Г.И. Спасского, отличавшийся очень широким охватом материала, оказался, по сути, у истоков отраслевой литературы энциклопедического типа. Много позднее появились

«Справочная книга для горных инженеров и техников по горной части» И.А. Тиме (первый том «Горнозаводской механики» вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1879 г.), «Справочная книжка по электротехнике» В.Н. Чиколева (СПб., 1885) и др.

К созданию своего словаря Спасский шел, можно сказать, всю жизнь. Не претендуя в данной статье на изложение полной биографии Спасского, все же назовем некоторые вехи его жизни, чтобы представить историю создания (в широком смысле слова) интересующего нас труда.

Родившийся в семье священника, окончивший Коломенскую духовную семинарию, Спасский в конечном итоге получил образование, позволившее ему стать горным инженером. В 1809 г. по «желанию своему и склонности» он был зачислен в штат колывано-воскресенских заводов с переименованием из губернских секретарей в соответствующий горный чин – «берггешворена» (12-й класс в Табели о рангах). Начав с чина, соответствующего в системе горного чинопроизводства, принятой в Западной Сибири со второй половины XVIII в., чину поручика (в армейской пехоте) или подпоручика (в артиллерии и инженерных войсках)¹, Спасский дослужился до обер-берггауптмана, чина главного начальника горных или литейных заводов, соответствующего 4-му классу в Табели о рангах.

Проведя большую часть своей горной службы в Змеиногорском руднике, Спасский в 1817 г. был назначен сопровождать караван серебра в Петербург, но отсюда уже не возвратился в Сибирь, так как получил повышение – был определен в горную экспедицию Кабинета Его Величества, с оставлением в «штате» Колывано-Воскресенских заводов.

Параллельно своей исследовательской (исторической и археологической) и издательской деятельности, связанной с Сибирью, Спасский всегда вел занятия по своей первоначальной, горной, специальности, что и вылилось в подготовку уникального для России первой половины XIX в. издания «Горного словаря», три тома которого вышли в Москве в 1841–1843 гг. в типографии Н. Степанова. На эту публикацию Спасский и хотел обратить максимальное внимание русских читателей, в том числе и столь высоким ее посвящением – наследнику русского престола. Известно, что такого рода издания приковывали к себе особый интерес. За помощью он вполне закономерно обращается к Жуковскому, воспитателю великого князя Александра Николаевича, заботившемуся в первую очередь о просвещении своего воспитанника и о том, чтобы привить ему мысль о просвещении русского народа.

Столь же закономерно оба практически одновременно обратились с ходатайством о посвящении книги имени царского наследника к С.С. Уварову,

---

¹ В 1761 г. глава Кабинета Ее Императорского Величества А.В. Олсуфьев в докладе императрице отметил, что из русских дворян «в горную науку никто идти не хочет», поскольку горные офицеры «в таком от служащих в армейских и гарнизонных полках штаб и обер-офицеров презрении, что не хотят их и за офицеров признавать, а на гаупвахтах или при ином каком карауле часовые оным горным офицерам и чести ружьем не отдают, поставляя их за мастеровых людей, а не за офицеров». В связи с этим обстоятельством указом Елизаветы Петровны от 12 января 1761 г. горные офицеры ведомства Колывано-Воскресенского горного начальства были приравнены «рангами, жалованием и действительным почтением» к артиллерийским и инженерным офицерам, имевшим преимущество над армейскими офицерами в один чин (Пережогин А.А. К вопросу военизации системы чинопроизводства на Колывано-Воскресенских заводах во второй половине XVIII в. [6]).

управлявшему министерством народного просвещения (с марта 1833 г.). Это государственное учреждение, созданное в 1802 г., имело целью «воспитание юношества и распространение наук». В его ведении находились учебные заведения (кроме военных, духовных и других ведомственных), ученые общества, Академия наук и (до 1863 г.) цензура. После 1815 г. министерство народного просвещения было преобразовано в министерство духовных дел и народного просвещения, при котором, с 5 октября 1818 г., в связи с назначением на должность наставника в русском языке при Ее Императорском Высочестве Государыне великой княгине Александре Федоровне, «высочайше повелено было состоять» и Жуковскому [3. С. 413].

С начала 1810 г. С.С. Уваров был связан со столичной цензурой. Еще до вступления на пост министра народного просвещения он стал членом Главного управления цензуры и как цензор имел большой авторитет. Не касаясь здесь сути цензурной политики Уварова и отношения к ней Жуковского¹, подчеркнем точность хода, сделанного Спасским и поддержанного Жуковским. Они обратились к самому влиятельному в области российского книгоиздания и книгораспространения человеку, являвшемуся создателем российской цензурной программы, утверждавшей, что и как цензурировать. При этом, разумеется, следует подчеркнуть характер личных отношений Жуковского и Уварова, которых связывала память об «Арзамасе».

Письма Жуковского и Спасского, о которых шла речь выше, судя по всему, были доставлены в Канцелярию министра народного просвещения. Это учреждение начало работу в феврале 1825 г. в качестве подразделения министерства и вело секретные дела, занималось переводами с иностранных языков и тому подобной секретарской работой. Традиционно все министерские канцелярии занимались письмоводством, включая частную переписку министра. Во главе Канцелярии стоял директор, в рассматриваемый нами период им являлся В.С. Комовский, одновременно он был правителем дел Главного цензурного управления.

Покровительство Уварова Спасскому, о котором просит Жуковский, вылилось в то, что 3 апреля 1841 г. он пишет письмо А.А. Кавелину, воспитателю наследника. На л. 3–3 об. рассматриваемого дела находим автограф этого письма, в котором, излагая просьбу Спасского, Уваров просит Кавелина «поднести государю цесаревичу <...> доставленный ему автором пакет и уведомить о решении Его Высочества» и сообщает, что к данному письму он прилагает первый том «Горного словаря» Спасского.

7 апреля 1841 г. Кавелин известил Уварова о том, что он «довел до сведения государя наследника цесаревича» желание Спасского и что «Его Императорское Высочество соизволил изъявить свое согласие» [1. Л. 4]. 9 апреля 1841 г. Уваров сообщил Спасскому о решении великого князя [1. Л. 5а] и ответил Жуковскому, уведомив его о том, что «на посвящение издаваемого Г. Спасским «Горного словаря» имени Гос<ударя> Насл<едника>

¹ Приведем лишь одно высказывание Жуковского в дневнике по этому поводу: «Что восстановит достоинство книгопечатания? Одна только цензура, но уж, конечно, не á la Красовский и Уваров» – запись от 2 июня 1838 г. [3. С. 92].

Цес<аревича> последовало соизволение Е<го> И<мператорского> Выс<очества>, о чем г. Издатель извещен уже» [1. Л. 56].

22 апреля 1841 г. Спасский ответил Уварову благодарственным письмом, с «присовокуплением» дарственного экземпляра книги для Уварова (автограф на л. 6). Жуковскому тоже был подарен подносной экземпляр первого тома «Горного Словаря», отпечатанный на особой бумаге, с гравированным заглавным листом и с посвящением воспитаннику поэта великому князю Александру (см.: [7], книга хранится в НБ ТГУ, в составе томской части коллекции).

«Дело о посвящении имени государя наследника цесаревича Горного словаря обер-берггауптмана 5-го класса Спасского» продолжается письмом от 18 ноября 1841 г., написанным в Канцелярию министра народного просвещения директором канцелярии Министерства императорского двора В.И. Панаевым. Оно содержит просьбу сообщить, «были ли поднесены через посредничество министра народного просвещения Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству, государю наследнику цесаревичу Григорием Спасским экземпляры 1-й части составленного им Горного словаря и удостоили ли Ея Величество и Его Высочество принять оные?» [1. Л. 9]. В ответном письме от 19 ноября В. Комовский сообщал Панаеву, что книги были поднесены и «удостоены принятия» с «соизволением на посвящение сего труда имени Его Высочества» (Л. 10–10 об.). Акт поднесения книги в дар царственным особам, разумеется, был направлен, кроме всего прочего, на привлечение читательского внимания к изданию.

Далее в деле подшита переписка канцелярий названных министерств по поводу поднесения 2-й и 3-й частей труда Спасского, вышедших в свет в 1843 г., за которые «государыня императрица <...> всемилостивейше соизволила <...> изъявить издателю Высочайшее Ея Величества благоволение», о чем сообщалось в письме Уварову от 31 декабря 1843 г. из Собственной Ея Императорского Величества канцелярии [1. Л. 14]. Уваров, в свою очередь, извещает об этом Спасского в письме от 14 января 1844 г. [1. Л. 15–15 об.].

20 января 1844 г. Уварову было написано все по тому же делу письмо из Министерства Двора Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича «по части гофмаршала», ведавшей хозяйством дворцовых кладовых, а также подготовкой различных церемоний, заготовлением, хранением и выдачей подарков императора (золотые и усыпанные драгоценными камнями перстни, табакерки, часы и т.п.) государственным сановникам и чиновникам, а также не служащим на государственном поприще лицам за служебные и неслужебные отличия (например, за литературную или художественную деятельность). Эти подарки не являлись государственными наградами, скорее — знаком личной признательности или благоволения императора, но высоко ценились, записи о таком подарке вносились в формулярные списки служащих. Упомянутое выше письмо подписано шталмейстером двора наследника И.М. Толстым, являвшимся одним из его самых душевных друзей, и в нем сообщалось, что «Его Императорское Высочество в знак особенного внимания своего к полезному труду г. Спасского соизволил пожаловать ему бриллиантовый перстень, который и доставлен по принадлежности».

* * *

Не менее показательным и интересным, чем эпизод ходатайства за Спасского, является еще одно архивное дело РГИА, также ярко характеризующее как личность Жуковского, его репутацию, силу влияния на придворные порядки, так и сами эти нормы и правила придворной жизни. Это – «Дело Придворной Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича конторы о заказанных для Его Высочества художнику Гульдебранду (так на титульном листе дела! – И.А.) портрете тайного советника Жуковского и скульптору Нордгейму бронзовой статушке и о деньгах, уплаченных за оные и за изготовленный в Берлине мраморный бюст в<еликой> к<нягини> Марии Николаевны». Дело датировано: «Началось 11 мая 1844. Кончилось 29 января 1846».

Дело также открывается автографом письма Жуковского к И.М. Толстому от 22 июля 1844 г. Оно написано черными чернилами на листе белой бумаги таких же размеров, как и рассмотренное нами выше письмо к Уварову, лист сложен вдвое. Вот его содержание:

Обращаюсь к Вам, любезнейший Иван Матвеевич, с просьбою привести в порядок нижеследующее дело.

Государь наследник в проезде своем через Дюссельдорф соизволил приказать живописцу Гильдебранду написать для него копию с моего портрета во весь рост; сверх того заказал скульптору Нордгейму бронзовую статушку, что полагает Нордгейм за свою работу, я еще не знаю; за портрет же назначена цена 100 фридрихсдоров. Гильдебранд просил, чтобы половина платы была сделана ему вперед; по сему случаю я обратился к Петру Яковлевичу Убри, и Гильдебранд получил от него требуемые деньги, в чем и дана мною расписка. Обо всем этом я уведомил В.Д. Олсуфьева; но до сих пор не имею от него ответа и не мог иметь, ибо О. в отпуску. Наконец вчера я получил этот ответ, в котором Олсуфьев говорит мне, чтобы я по делу Гильдебранда и Нордгейма обратился к Вам. Это дело самое простое. Прошу Вас сделать также официальное поручение Убри, какое было сделано ему при заказе великим князем картин в Дюссельдорфе в его первое путешествие. Напишите к нему, чтобы выдал живописцу Гильдебранду и скульптору Нордгейму деньги за работы, им заказанные великим князем, как скоро потребуют, и, если пожелают, половину вперед. Все и будет кончено; если можно, прошу Вас поспешить это исполнить. – Пользуюсь сим случаем, чтобы повторить Вам уверение в искренней, дружеской преданности, которую всегда сохранял к Вам. Простите. Не откажите написать мне о том, что у вас делается. Но спрашивать страшно и без вестей жить душно,

Ваш Жуковский

22 июля. 1844. Франкфурт н/М [8. Л. 1–1 об.]

Над текстом письма сверху листа написана резолюция: «Его Высочество изволил приказать исполнить царскую волю. И. Толстой. 26 июля 1844».

Прежде всего, обратимся к фигурам адресата письма и упомянутых в нем лиц, а также предметов искусства. Имя дипломата, действительного тайного советника, шталмейстера двора наследника, члена Государственного совета, сенатора, управляющего министерством иностранных дел (1856–1858 гг.), министра почт и телеграфов (с 1863 г.), возведенного в графское достоинство в 1866 г., И.М. Толстого (1806–1867), упоминается в поздних дневниках Жуковского несколько раз. Впервые – в записи от 31 января (12 февраля) 1839 г., описывающей участие поэта в римском карнавале и присутствие на вечернем балу у дипломата, посланника при папском дворе в Риме И.А. Потемкина. Читаем: «Смешной дипломат Толстой» [3. С. 154]. Далее, отмечая вехи своего путешествия по Англии в апреле этого же года, Жуковский вновь называет имя Толстого, который в то время являлся младшим секретарем русского посольства в Лондоне и сопровождал, как и Жуковский, великого князя в его поездке [1. С. 167]. Следующая запись от 4 августа 1839 г. сделана по поводу «смешного анекдота», касающегося Толстого, особенностей его личности и характера: «Толстой, что у принца Ольденбургского, прозван *le faisan du prince* потому что на билетах своих подписывает: *faisant fonction du maréchal de S.A.I. Le prince d'Oldenburg*» [1. С. 180]. Запись построена на игре словами *faisan* (фазан) и *faisant fonction* (исполняющий обязанности), подчеркивая самолюбование Толстого, его упоенность своими придворными обязанностями.

Главными фигурами письма Жуковского являются немецкий художник Э. Гильдебрандт (1817–1868) и немецкий скульптор А. фон Нордгейм (1813–1884). С картинами первого, пейзажиста, мариниста, поэт познакомился в 1838 г. в Берлине, во время посещения (в сопровождении искусствоведа Г.-Ф. Вагена) картинной галереи, принадлежавшей польскому дипломату, графу А. Рачинскому (большинство полотен хранится сегодня в Берлинской национальной галерее). Жуковский отметил в своем дневнике картины, произведшие на него наибольшее впечатление, – наряду с известной картиной символично-исторического содержания В. фон Каульбаха «Битва гуннов», полотном «Жнецы» знаменитого французского живописца Л.-Л. Робера, самым знаменитым произведением известной итальянской художницы Софанисбы Ангуишолы, которая стала в один ряд с наиболее выдающимися художниками Ренессанса, «Три сестры за шахматами», написанной в 1555 г., названа и картина Гильдебрандта «Дети Эдуарда». Уже в июле 1838 г. Жуковский, во время своего пребывания в Дюссельдорфе, куда он приехал на встречу с Г. Рейтерном и для знакомства с дюссельдорфской школой живописи, посещает мастерскую Гильдебрандта и отмечает такие его работы, как портрет мадам Шадовой и рисунок для большой картины «Кардинал Вользей» (запись в дневнике от 30 июля) [1. С. 112]. Именно в это время поэт начинает формировать свою коллекцию живописи. 31 июля в доме Рейтерна, в присутствии Ф.А. Моллера, Р.Ю. Гюбнера, Г.А. Штильке, К.Ф. Зона и Э. Гильдебрандта, рассматривались рисунки самого Жуковского [1. С. 113]. Позднее поэт не раз еще посещал мастерскую Гильдебрандта в Дюссельдорфе (май, август 1840 г., октябрь 1841 г., январь 1842) [1. С. 209, 216, 218, 262, 267], бывал у Жуковского и Гильдебрандт (октябрь 1841 г.) [1. С. 263].

25 октября 1841 г. поэт записывает в дневнике: «Начат портрет Гильбранда» [1. С. 264], имея в виду начало работы художника над своим, широко

известным сейчас портретом. Его первоначальный набросок («подмалевка») был завершён уже 30 октября, а в целом портрет был закончен в 1843 г. В 1844 г. с него были сделаны автокопии для прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и великого князя. Об этой автокопии и идёт речь в рассматриваемом нами письме Жуковского к И.М. Толстому (позднее копию с этого портрета сделала А.П. Елагина).

Знакомство Жуковского с Нордгеймом состоялось, по-видимому, через Г. Рейтерна, в одно время с знакомством поэта с Гильдебрандтом. В дневниковой записи от 20 мая 1840 г. это имя упоминается впервые, в связи с началом работы скульптора над восковым рельефом Жуковского [1. С. 209, 396, 513], а в записи от 10 сентября 1840 г. читаем: «У нас Нордгейм. <...> После обеда <...> опять Нордгейм», от 11 сентября: «Утром Нордгейм», от 12 сентября: «У нас Нордгейм» [1. С. 221–222]. Судя по дневнику, Нордгейм и Жуковский и позднее нередко обменивались визитами (см. записи от января 1842 г., января и марта 1844 г.).

Летом 1844 г. во Франкфурте Нордгейм по заказу великого князя Александра Николаевича начинает работу над статуэткой Жуковского, который в это время тоже переехал во Франкфурт. Позже она стояла в библиотеке Александра II на его столе в Зимнем дворце [1. С. 535]. Именно об этой «статуйке» и говорится в письме Жуковского к И.М. Толстому, о котором мы ведем речь.

Судя по этому письму, Жуковский пытался уладить дело с выплатой денег Гильдебрандту за выполненную по заказу великого князя Александра Николаевича работу через управляющего Коллегией иностранных дел, дипломата, посланника во Франкфурте, действительного статского советника П.Я. Убри, распоряжения которого оказалось достаточным для того, чтобы половина платы за копию была получена художником, как он того и просил у Жуковского. Кроме того, Жуковский посчитал необходимым уведомить о «деле» Гильдебрандта и Нордгейма гофмаршала двора графа В.Д. Олсуфьева, однако тот перенаправил просьбу Жуковского шталмейстеру двора И.М. Толстому, что объясняется структурой министерства «малого» двора великого князя Александра Николаевича и обязанностями и иерархией служащих в нём.

Этот государственный орган, являющийся «слепком» Министерства императорского двора, объединял все части управления придворной жизни цесаревича. Министерство возглавлялось министром двора, который состоял под непосредственным ведением наследника государя. Все повеления министр получал непосредственно от него, в том числе и по делам, требующим Высочайшего разрешения (напомним резолюцию на рассматриваемом письме Жуковского к И.М. Толстому, о которой речь шла выше). Историки считают, что такое положение министерства объясняется тем, что предметы его деятельности не имели общегосударственного характера, а касались исключительно царствующего дома. Придворная Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича контора, в ведение которой попало частное письмо Жуковского, адресованное шталмейстеру двора И.М. Толстому, заведовала содержанием дворцов, садов и парков придворного ведомства, продовольствием императорской семьи, придворным штатом и устройством при-

дворных церемоний. Кроме того, она выполняла некоторые функции Дворцовой канцелярии, которая была учреждена для работы с делами, требовавшими личного участия великого князя, и Кабинета Его Императорского Высочества, который заведовал его личным имуществом, а также через него проходила переписка о покупке и получении в дар художественных произведений, о наградах, пособиях и пенсиях деятелям искусства, об изготовлении художественных предметов (посуды, ковров, мебели) для членов императорской фамилии, подарков иностранным монархам и послам.

Письмо Жуковского к Толстому вызвало написание последним письма к Убри. Его автограф, датированный 27 июля, находим на л. 2–2 об. В письме содержится просьба приказать выдать половину денег вперед Гильдебранду и Нордгейму с обещанием Убри вернуть деньги по предоставлении извещения об оплате.

В ответном письме Убри Толстому от 26 августа 1844 г. сообщается, что «живописцу Гильдебранду уже несколько недель пред сим» было выплачено 50 прусских фридрихсдоров, «и по представлении написанного им портрета г. тайного советника Жуковского заплачены ему ныне остальные 50 фридрихсдоров. Сверх того издержаны 10/20 за провоз картины из Дюссельдорфа сюда. <...> Сама картина находится в сохранении г. тайного советника Жуковского; по отдаче оной не премину препроводить ее по принадлежности» [8. Л. 3].

Судя по документам дела, деньги Гильдебранду и Нордгейму шли через петербургский банкирский дом барона А.Г. Штиглица «Штиглиц и К⁰». А.Г. Штиглиц являлся последним так называемым придворным банкиром. Этот «статус» играл заметную роль в деловой жизни Петербурга и империи начиная со второй половины XVIII в. Банкиры членов царской семьи в марте 1798 г. были объединены Павлом I в Контору придворных банкиров, которая поддерживала тесные отношения с кредиторами правительства и имела постоянные связи с крупнейшими банкирскими домами Европы. Она занималась доставкой денег для русской армии и флота во время военных действий в Европе, русским дипломатам, находившимся за границей. Придворные банкиры участвовали в международных финансовых операциях, занимались покупкой оружия и следили за состоянием вексельных курсов. Все члены придворной конторы имели свои собственные торговые дома или банкирские конторы и активно участвовали в деловой жизни империи и как частные лица. С образованием Министерства финансов и такого важного его подразделения, как Особенная канцелярия по кредитной части, операции, связанные с международными расчетами, почти целиком перешли в это ведомство. Однако институт придворных банкиров сохранился до середины XIX в. и продолжал играть значительную роль в экономической и финансовой жизни империи, о чем свидетельствует, в частности, активная деятельность последнего придворного банкира А.Л. Штиглица (см.: [9]).

История возникновения банкирской конторы «Штиглиц и К⁰» восходит к концу XVIII в. и связана с Н. Штиглицем, основавшим в Петербурге торговый дом. Его брат Л. Штиглиц унаследовал дело и развил его так, что занял первенство на Петербургской бирже. В 1820-е гг. богатство и кредиты Штиглица принесли ему европейскую славу. В 1828 г. Л. Штиглиц получил от Ни-

колая I баронский титул. В 1843 г. он скончался, оставив состояние в 18 млн руб. серебром своему сыну Александру, который способствовал процветанию созданного отцом банкирского дома. Штиглицы всегда оказывали услуги русскому правительству, прежде всего в организации иностранных займов, за что А.Л. Штиглиц получил чин статского советника, а в 1856 г. – действительного статского советника. Он был признанным «королем Петербургской биржи» и непременным участником всех крупных операций русского правительства на внутреннем и иностранных рынках. «Имя его пользуется такой же всемирной известностью, как имя Ротшильда», – писал в 1859 г. «Вестник промышленности» [9].

Переписка Толстого и Убри по поводу этих денег и названной банкирской конторы составляет большую часть рассматриваемого архивного дела.

Только в письме от 4/16 октября 1844 г. Убри писал Толстому, что Жуковский отдал ему «два ящика, один с означенным портретом, другой с гипсовыми формами для доставления Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу» и что эти ящики отправлены уже к консулу в Любек [8. Л. 8–8 об.].

Таким образом, анализ двух эпизодов из жизни В.А. Жуковского, связанных с неопубликованными письмами поэта, демонстрирует в первую очередь ценность архивно-ведомственных разысканий, за которыми скрываются неизвестные и очень яркие страницы биографии и черты личности первого русского романтика и его современников. Во-вторых, представленное в статье исследование призвано подчеркнуть особую важность историко-культурного комментария биографического, в частности эпистолярного, материала, значительно углубляющего его (материала) понимание. Письма Жуковского по поводу «Горного словаря» Г.И. Спасского и выплаты гонораров Э. Гильдебранду и А. фон Нордгейму, рассмотренные как документы историко-культурной эпохи и частной жизни, реконструируют и атмосферу жизни великого поэта, и его общественные, нравственно-этические позиции, и их взаимосвязь и взаимодействие.

Литература

1. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 233. 22 л.
2. *Список членов Императорской Академии наук. 1725–1907* / Сост. Б.Л. Модзалевский. СПб., 1908.
3. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14: Дневники, письма-дневники, записные книжки. 1834–1847. М., 2004.
4. *Янушкевич А.С.* Особенности сибирской краеведческой критики 1810–1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989. С. 26.
5. *Анисимов К.В.* У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г.И. Спасского «Сибирский вестник» // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2004. Вып. 3 (40). Сер. «Гуманитарные науки (Филология)». С. 71.
6. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://history.nsc.ru/snm/perezhogin.htm> Код доступа: свободный. Дата обращения: 17.07.2010.
7. *Библиотека В.А. Жуковского: Описание* / Сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981. № 370.
8. РГИА. Ф. 522. Оп. 1. № 208. 21 л.
9. *Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства.* [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/bank-11/2.htm> Код доступа: свободный. Дата обращения: 17.07.2010.